

Она проснулась ожидаемо поздно. Когда за окном уже... А, ну да, ну да - старая привычка так и жила в ней, спустя все эти годы. По пробуждению - глянуть в окно. И увидеть там всё тот же нескончаемый вечер. Зато солнце не светило в глаза и не будило, позволяя полежать подольше... А вылезать из кровати ей сейчас очень не хотелось. И она, чувствуя эту знакомую тяжесть и неповоротливость в теле, отвернулась к окну, кладя руку на округлый животик сверху - и поджимая его коленями снизу. С тех пор он даже немного уменьшился, ибо часть яиц из неё... вышли сами, а те, что остались - стали уплотняться, незначительно теряя при этом в объёме, но всё же он был заметно округлым, что не заметить этого даже под очень свободной одеждой было бы невозможно.

Наверное, на условный "девятый" месяц сейчас и не тянул, но... на четвёртый-пятый - вполне. При учёте, что если бы она была беременна человеческим ребёнком, сама будучи метровой хоббитшей. Поэтому да - её один фиг раздуло не слабо, и она была без каких-либо вопросов ни для неё, ни для окружающих людей беременной, что не надо было даже пытаться разглядывать свою метку на животе - она там гарантированно светилась, чем символизировала этот процесс.

А всё же... она с удовольствием зажмурилась, едва слышно помурлыкивая под нос - потому что она, ехидна, легло это переносила: её не мучило, не штормило, а возможные изменения в её демонических гармонах, если таковые присутствовали, действовали сугубо положительным образом, из-за чего ей даже нравились эти ощущения! И она, закапываясь поглубже под одеяло, чтобы подольше насладиться "утренним" умиротворением, не глядя протянула руку к тумбочке, где её должна была дожидаться вазочка с россыпью леденцов на палочках... непременно на палочках, так как они были не только вкусны, но и придавали её виду "несносное высокомерие" (кто-то мог бы поспорить с этим, но какую-то изюминку точно давало)... Но под рукой не оказалось ничего. И тут же вспомнила о том, что лежала в гостевой комнате. Потому что свою кровать... она испачкала. А что ей было делать? Она сильно устала, голова - работала особенно туго, вот она и легла спать, решив помыться "попозже". И всё равно же потом заставили встать и привести себя в порядок, потому что отец буквально приказал слугам оттащить её в ванную вместе с простынёй, если она откажется идти туда сама.

Дааааа... И вот именно поэтому ей как можно сильнее хотелось растянуть своё "утро" на подольше. И нет, он не станет на неё ругаться, когда увидит её с этим пузом, которое она нагуляла от... кхем, слизняка... и не одного... потому что он любит её - и боится, что она вновь уйдёт из дома, оставив его прозябать одного. Но злиться всё равно будет. Впустую и не на кого. Да пусть бы, в общем-то, Шаос ведь - уже далеко не ребёнок, чтобы всегда и во всём искать одобрение отца, ведь ей самой уже давно было за полтинник, но ему будет от этого больно. А она хоть и закоренелый хаотик - человек по своей натуре всё же мягкий. И ей очень, оочень не хотелось этого разговора...

Но тут же щёлкнула дверная ручка - и в комнату заглянула служанка, рассматривая лежащую в кровати девушку. Она была послана сюда именно за тем, чтобы узнать - проснулась ли "молодая госпожа"... бывшая старше этой тридцатилетней женщины почти в два раза, или ещё спала... и с неохотой, но голубоволосая девушка подняла руку, помахав ей в ответ.

- О, госпожа, вы... уже проснулись? Ваш отец просил передать, что обед готов к подаче на стол. Когда вы изволите быть готовы к приёму пищи?

- Я не хатю... - С обидой ответила девушка, дрогнув голосом. Хотя есть ей на самом деле хотелось - и очень даже сильно, напитывая силами растущую в ней жизнь. - Я полезу ессё!

Женщина вежливо склонила голову - и скрылась за дверью, что теперь слышны были лишь её торопливые шаги по коридору. Пошла передавать своему хозяину, что его дочь уже проснулась, не иначе. И совсем скоро он должен будет придти лично...

И вот ей сейчас наверняка было очень противно сюда заходить. Шаос была в этом уверена. Вне определённой среды "особо культурных людей" - она вообще довольно гадкий в этом плане "человек". Грязная, мерзкая... свиноматка, побывавшая во множестве постелей, грязных закоулков и хлевов, псарен. И именно поэтому Шаос настаивала на том, что она здесь - именно что работает, служанкой, не желая сильно афишировать родственную принадлежность к одному из почтенных господ Инокополиса. Ведь одно дело - это нанять себе на служение грязную девку, с которой у тебя возможно что-то и происходит, а совсем другое - признать, что эта грязная девка - твоя дочь... с которой у тебя тоже, возможно, что-то происходит.

И вот опять - открылась дверь... и в комнату, широким хоббитским шагом, зашёл её отец.

- Лиза? - Спросил он.

Девушка засунула голову под одеяло, что даже макушка её под ним скрылась.

Чиркнула спичка, когда низкорослый господин зажигал на тумбочке свечи, развеивая эту приятную полутьму и привнося ощущение обыденной дневной суеты.

- Как ты? - Спросил он - и, не дав ей ни секунды на ответ, задал второй вопрос. - Почему не идёшь обедать?

Как же хорошо всё начиналось, но теперь пора была вставать...

- Я и так... - Девушка свесила с кровати ноги... так и не достав ими до пола, и полуобернулась, чтобы отец мог видеть её... трудно сказать, что грудь - но правый сосок, а также покатый живот, плавно расширяющийся к низу и не дающий плотно свести ноги вместе. - Я и так полна до самых клаёв, хехе!..

Он не оценил её шутки, благонаравно при этом отворачиваясь и даже не повеселив её какой-нибудь яркой реакцией. И она стушеввалась, говоря уже спокойнее.

- А монно сюда пгинести? Я не хотю сейтяс по дому ходить, мне... тязэло?

- Лиз, не неси ерунды. Я знаю, ты можешь передвигаться, поэтому одевайся. Я буду ждать тебя в обеденной. Или ты что, стесняешься? Перед слугами, что ли?

Зараза знал, как её подловить. Чтобы Шаос, да признала, что она чего-то "стесняется"?! Да ей не знакомо это чувство! И она спрыгнула с кровати, полностью разворачиваясь к отцу голой г... грудью? И большим, каплевидным животиком, да в одних лишь белых труселях с розовым бантиком!..

Блин. А ведь из-за кровати он-то, коротышка, её, такую же коротышку, почти и не видел!!

Опять она лопухнулась. А пока не слишком торопливо оббежала кровать, чтобы всё-таки смутить его своим видом - он уже ушёл, оставляя её наедине со своим чувством поражения.

- Ну и беги! Пф... Глупый хоббитс!

Шаос надулась. Хотя - и не всерьёз. И уже сразу же она подошла к креслу, в котором её ждала подготовленная на день одежда. Помимо белья с крольчатами и носочков - какое-то чёрное платье на пуговицах. Что хорошо - короткое, ибо поняли уже, что в чём-то она не собиралась уступать, однако же - слишком узкое. Она такие не особо любит. Тем более - в её текущем положении... Также как оно плохо годилось для носки с хвостом, но если оставить пару пуговок снизу не застёгнутыми и сзади позволить "чутьочку" задирается... То вполне ещё можно было ходить. Главное, что под крылья были благоразумно сделаны прорезы, вот их бы она точно бы никуда запихнуть не смогла.

И обувшись, одевшись, причесавши свои волосы и помяв левую... область вокруг соска, внутрь которого эти гады занесли грязь, она вышла из комнаты, направляясь на кухню...

Малкой Медянов ел с приличием, нарезаая стейк ножом перед тем, как съесть, после чего промакивал губы салфеткой, убирая с них красноватый сок. Как настоящий аристократ. Даже колени его были укрыты, а за спиной стояла целая служанка, готовая в любой момент броситься выполнять любую его просьбу. При этом она старалась не поднимать взгляда, чтобы не видеть его дочь, что сидела напротив.

Она видела её вещи, когда та вернулась домой. Её чулки, её нижнее бельё, покрытое слизью, с прилипшими к нему икринками - мерзкого желтоватого цвета, с какими-то плотными шариками внутри. И сейчас эта ехидна, достигающая своего жалкого метра лишь благодаря подошве, была ей до краёв полна изнутри... Да что там - до краёв? Раз её так раздуло, будто она была беременна - икры в ней было гораздо больше, чем просто "до краёв". Возможно, она уже начала зреть, и эти шарики внутри удлинились, обретая более похожую на слизнячков форму...

Шаос же... ну, за время своего тридцатилетнего мытарства она не превратилась в грубого и неотёсанного дикаря, рвущего еду руками и громко смеющегося с набитым ртом. Хотя ножом она не пользовалась, и откусывала хорошо прожаренное мясо прямо с куска, с задумчивым же видом жуя. Её большие синие глаза внимательно исследовали пространство под самым потолком...

- Лиз... - Сказал, наконец, отец - и подал знак налить ему вина.

Девушка покосилась на него - и, пусть и пыхтя оттого, что пришлось сильно тянуться, сама себе налила вишневого сока. Сделала глоток...

- Ты не подумай, что я на тебя давлЮ, но... мне не понравилось то, что вчера произошло. Ты могла пострадать...

- Пап. - Она подцепила вилкой непонятного вида стручок - и с подозрением его понюхала. Наверняка он был очень полезен и содержал в себе в три раза больше полезных веществ, чем все иные продукты питания вместе взятые, но доверия он ей не внушал. - Я - дамианка. Мы - бессмелтны. Я бы всё лавно воскъесла, а у Госповы я на холосэм ссету, она бы не томила с этим...

На вкус он оказался хуже, чем на вид - и она отложила откушенный плод обратно на тарелку, ища себе что-нибудь повкуснее... Есть же ей хотелось жутко. Ибо - за двоих. А учитывая то, что у ехидн этот процесс идёт гораааздо быстрее - то за троих, а то и четверых... Хотя яйца, вроде как, и должны были быть самодостаточными в плане питательных веществ, из-за чего сама девушка выступала лишь тёплой и влажной средой для их вызревания, но кто знает все эти тонкости биологических процессов? Есть ей всё равно очень хотелось!

- Ты ушла на весь день. Не сказала, что собираешься покинуть город. И вернулась, неся в себе...

- От слизняка? - Спросила она, думая о том, как хорошо будет сочетаться фруктовое желе и мясо... Наверное - не очень.

Служанка же стиснула веки - и отвернулась, с отвращением прикрывая рот кулаком. Женщина не плохая, но как и многие слуги этого дома - не понимающая свою новую госпожу и её этих... увлечений. Ожидаемо, что для неё это всё выглядело мерзко, а из-за того, что в этом доме тесное общение слуг и господ не приветствовалось, им никто не мог объяснить всё как есть, и их головы были полны разного рода домыслов и сплетен касательно того, зачем Лиза это делает, особо и не вникая в то, что сама она испытывала из-за своей натуры множество проблем. С частью из которых она ничего не могла поделать даже при желании.

Хотя, секс со всякой мерзостью к этому не относился.

- Мне сё лавно надо было от кого-то понести. Я ехидна, пап! Мы не мозэм долго возделживаться, у меня от этого сносит голову, ты знаес!

- Ты могла сделать это... как-то цивилизованнее. Хотя бы - с человеком. Хочешь, я подыщу тебе друга-полурослика, от него тебе и... рожать будет проще.

Что также было особенностью её рода - своих генов они потомству не передавали, и рожали то, от чего и беременели. Максимум - могли повлиять на цвет кожных покровов или волос. Шаос, например, порой передавала голубой окрас шерсти...

- Пап, ну блин! Это ещё глупее! Ты ему так и скажешь - будешь тлахаться с моей дотелью, чтобы она от тебя мелтвецов лозала?

- Но слизни, собаки и прочий скот - это же ненормально?

Мужчина уже не ел... Да и дочь его, в общем, тоже. Она сидела сейчас, положив на стол голову, и устало вздыхала.

- Поэтому я тогда усла... Я плохо гозусь для нольмальной зызни! А мне в месяц хотя бы двазды надо...

- Это какое-то мучение, а не...

Он хотел сказать, что это мучение, а не жизнь - но не закончил. Потому что обращение в одного из представителей этой расы было единственным способом спасти свою дочь от врождённого дефекта, погубившего всех её братьев. То, что она дотянула до двадцати одного - уже было чудом. И хотя она несколько не могла быть полезна в обществе дамиан, мятежная королева суккубов Неллит всё же облагодетельствовала ей, приняв её душу в своё веденье. А то, что она стала ехидной... ну, возможно - как небольшое наказание за её бесполезность. Или шутка юмора. Или в этом был какой-то иной смысл. Но ехидны хотя бы в какой-то мере могли познать радость материнства, с заботой кормя каких-нибудь щеночков, в отличие от тех же суккубов, на такое уже не способных.

- Извини. Просто представь, каково мне сейчас. Но я постараюсь больше не поднимать эту тему... Только прошу, больше не уходи из дома насовсем. Второго раза я уже не переживу.

В первый раз она ушла не многим временем позже своего обращения, то есть ещё при живой, но малость сходящей с ума матери. И конечно же отпускать её и тогда не хотели, однако же из-за того, что своим присутствием Лиза доставляла слишком много хлопот (в том числе и негативно сказывалась на состоянии матери, все иные дети которой умирали в ранние годы жизни, а ехидна под боком невольно и жестоким образом теребила эти воспоминания), девушка избрала тактику быть невыносимой. Грубила, творила дичь и всеми возможностями доканывала своих любящих родителей, пока они не потеряли терпение и не сделали то, чего она этим и добивалась - с напутствием (и криками)... ну, отпустили её. А потом сильно жалели. Сейчас же она была вежливой, насколько могла... да в принципе, просто не пыжилась быть невежливой, однако первоисточник проблемы никуда не исчез - она всё ещё доставляла очень много хлопот тем, что была ехидной... и тем, что к нимфомании она, кажется, была склонна с рождения. И после обращения это лишь, возможно, усилилось - но она, даже будучи ребёнком с вечно болящей головой и замирающим сердцем - часто с теплом в животе вспоминала случай, когда она, гуляя в одиночку по округе, наткнулась на группку подвыпивших мужичков. И они предложили ей персиков, если она будет хорошей девочкой и кое-куда их проводит.

С тех пор её одну гулять больше не отпускали, а в голове появилась ещё одна тема для фантазий - что если она каким-то чудом, но не умрёт - она непременно выйдет замуж. И чисто возможно - не отказалась бы и от пары мужей сразу...*

Не поднимая головы, Лиза высунула язык и легонько тряхнула волосами. Она всё же девушка добрая, какой бы вредной или грязной ни была.

- Найми больсэ слуг-музтин... Повала - и того ты уволил!

- Ну, я его не увольнял. Он, как человек воспитанный, ушёл сам после того случая с тестом, в которое по твоей вине попало то, что там ни в коем случае не должно было находиться, а вторых - это не очень хорошая идея, заводить отношения со своими подчинёнными.

- Поэтому ты меня не тлахаешь? - Спросила она, всё ещё лёжа на столе - и улыбнулась, дурашливо, но всё равно испуганно сощуриваясь, когда Малкой замахнулся на неё кофейником. В шутку, но кто же знает, каково его терпение на прочность?

- Ладно. Ешь давай. Тебе же нужно сейчас.... - И всё же - пауза. Нелегко это было и неприятно.
- ...хорошо питаться.

- Угу... Только это, ты мозэс потом позвать двоеского ко мне в комнату?.. Мне... кое о чём надо его поплосить...

Лиза улыбнулась, стараясь придать улыбке чрезмерную невинность - и вернулась к еде, словно прилежная дочка, попросившая папочку о небольшом подарке и готовая ради этого... нет, те стручки она есть всё-таки не стала.

- Опять будешь над ним издеваться? Он ведь хороший, приличный человек. Профессионал своего дела... Хорошо. Я дам ему знать.

* - При желании, ознакомиться с жизнью Шаос до и непосредственно после перерождения в виде дневника можно в произведении "Стая Одиноких Волков", в главе под номером 19,5 - "Дневник умалишённой". При необходимости, могу внести их сюда.

<http://tl.rulate.ru/book/412/11564>